

Б. Н. Любимов

ДЕЙСТВО
И
ДЕЙСТВИЕ

Том I

ШКОЛА
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1997

**ББК 63.3(2)6-7
Л 93**

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16274**

Любимов Б. Н.

Л 93 **Действо и действие, том 1. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 520 с. 1 илл.**

ISBN 5-88766-016-3

В книге подробно рассматриваются основные грани многомерного взаимоотношения между русской православной Церковью и современным русским театральным искусством.

Книга предназначена для всех интересующихся отечественной театральной культурой и ее осмыслением в контексте современности.

ББК 63.3(2)6-7

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-016-3

© Б. Н. Любимов, 1997

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕЙСТВО И ДЕЙСТВИЕ

Действо и действие	9
Творение и творчество	17
Священнодействие и действие	35
Церковь и театр	53
Предпразднство Преображения	93

РУССКИЕ ИДЕИ И РУССКИЕ ПУТИ

Русские идеи и русские пути	103
Русские пути и русские идеи	104
Путь и действие	113
Роль Достоевского	137
Православие культуры и культура православия	242
Культура и борьба	257
Свет во тьме	265
Дух свободы	271
Преображенный эрос	280
Основа и путь России	286
Сумма мира	294
Другой Булгаков	299
Богословие эпохи	307
По улице Ленина — к площади Сергея Булгакова	313
Отец Пансофий	315
«Дело» о. Сергия Булгакова	318
Аз есмь путь	327
Русские пути	330
Православная культура	333

БОГА ЛЕГКОЕ ДЫХАНЬЕ

Бога легкое дыханье	339
Богословие в звуках	350
Предсказывающий историю	359
Смысл жизни	381
Март семнадцатого в «Марте семнадцатого»	386
Мирозерцание Солженицына	391

ВЕЧНО СОЗДАЮЩАЯСЯ РОССИЯ

Гибель надежд	399
Российский очаг	403
Слепые, глухие, немые	414
Искусство принадлежит доходу	422
Еще неприемлемая Россия	430
Уставная мысль	446

НЕСЛЫШНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Неслышное православие	459
Праздник: поражение и победа	464
Благовестник	467
Расширение сердец	470
«Православное богатство богословия»	473
«...И есть, и будет...»	480
Собиратели	493
Сын отвечает за отца	498
Действие последнее	508

ДЕЙСТВО И ДЕЙСТВИЕ

ДЕЙСТВО И ДЕЙСТВИЕ

Книга «Действо и действие» писалась автором в течение тридцати лет, с 1967 по 1997 г. Впрочем, к началу работы над книгой автор не знал, что он ее пишет, как не знал он, что «собирать материалы» для книги он начал еще в раннем детстве. Так случилось, что в детстве, отрочестве и юности автор большую часть времени, оставшегося за пределами «праздных утех», проводил в театре, за книгой и в храме. Хорошо или плохо он знал театр, литературу и Церковь, но остальное он знал хуже.

Нельзя сказать, что литературу автор любил меньше или знал хуже, нежели театр, но в старшем классе уйти из школы «в литературу» нельзя, а в театр можно, и автор стал осветителем театра «Современник». Вот почему он оказался студентом театроведческого факультета ГИТИСа, а не филфака МГУ. (Стать студентом Московской семинарии ему, признаться, в 1964 г. не приходило в голову.)

Параллельно с изучением истории театра и его «живой жизни», столь бурной, яркой и продуктивной во второй половине 60-х гг. (и продолжающей, в известной мере, питать и театр конца тысячелетия), автор увлекся Достоевским. Расставаться с ним не хотелось — нужно было придумывать тему дипломной работы. «Формальные» основания для этого были — Достоевского ставили как никакого другого не-драматурга; автор задумался над основаниями «содержательными»: захваченный «методологизмом» 60-х гг. (а единственной необязательно марксистской школой в то время была тартуская школа), автор попробовал обнаружить театральность и сценичность в глубинной структуре сознания Достоевского. М. Бахтин и В. Топоров помогали понять, «как устроены» романы Достоевского. Вл. Соловьев, В. Розанов, Д. Мережковский, Вяч. Иванов, Н. Лосский, С. Булгаков, Н. Бердяев помогали усвоить их смысл. И тех, и других понять ничуть не проще, нежели Достоевского. Значит, надо их читать как можно больше и как можно чаще. Тема дипломной работы как-то незаметно стала темой жизни. Когда пришла пора поднять голову от текста диссертации о театральности Достоевского, выяснилось, что «русские идеи» занимают автора ничуть не меньше, нежели театр или Достоевский.

В те же годы, а точнее, в 1968 г., о. Александр Мень подарил отцу автора машинописный экземпляр своей книги о православном богослужении, позднее известной под названием «Таинство, слово и образ». С тех пор автор не только стал зряче, осмысленнее постигать строй богослужений, регулярно их посещая, но и задумываться над тем, как можно богослужение описать в терминах и категориях современной науки. Так взошла еще одна тема жизни и этой книги.

Здесь, вероятно, уместно вспомнить двух столь противоположных, но, бесспорно, выдающихся мыслителей — «отцов на Фл.» — о. Павла Флоренского с его идеей «биографики» и о. Георгия Флоровского, писавшего: «...всякое мировоззрение есть автобиографическое повествование, рассказ и отчет об увиденном и услышанном, — описание пережитого опыта». Вероятно, это и есть жанр книги «Действо и действие». Стоит лишь продолжить цитату: «Но было бы превратно понимать этот опыт психологически и субъективно. Опыт есть реальное предметное касание, „выхождение из себя“, встреча, общение и сожительство с „другим“, с „не — я“»¹. Автор надеется, что его «биографики», его «описание пережитого опыта», в том числе и эстетического, не заслонит предмет его знания и описания — ни в этих предварительных заметках, ни во всем корпусе книги — и окажется «реальным предметным касанием» тем и мотивов, звучавших в его сознании.

Изучая Достоевского и литературу о нем, автор более четверти века назад согласился с Бердяевым, что «наиболее сложная и тонкая русская метафизическая мысль вся протекает в русле, проложенном Достоевским, вся от него идет»². Благодаря Бердяеву автор понял: часть трагедии «русских идей» в том, что «национальное сознание» подменилось «народническим сознанием», а основой русского революционного социализма являются «бесчестие и сентиментальность». Наконец, именно тогда автор познакомился с основополагающей идеей Бердяева, не утратившей своей правды и в конце второго тысячелетия после Рождества Христова: «Бог именно потому и есть, что есть зло и страдание в мире, существование зла есть доказательство бытия Божьего. Если бы мир был исключительно добрым и благим, Бог был бы не нужен, то мир был бы уже богом. Бог есть потому, что есть зло. Это значит, что Бог есть потому, что есть свобода»³.

Тогда же впервые в жизни открыв «Тихие думы» С. Булгакова, автор, конечно, не подозревал, что он открывает самого близкого мыслителя, о котором ему придется не один раз писать (а его статью из этого сборника о «Моцарте и Сальери» «публиковать» в одном из театральных журналов в начале «перестройки»), но его интуиция творчества как радости, его убеждение, выношенное в споре с «профессорской религией», «что христианство может существовать лишь как церковное или вовсе не может существовать» (что помогло автору в студенческо-аспирантские годы, когда о профессуре он еще и не думал), его статья «Русская трагедия», в которой звучали темы «Достоевский», «трагедия», «русское», «театр», то есть темы, ставшие и лейтмотивом

¹ Георгий В. Флоровский, *Метафизические предпосылки утопизма*, «Путь», 1926, № 4, с. 21—22.

² Николай Бердяев. *Философия творчества, культуры и искусства в двух томах*, т. 2. М., «Искусство», 1994, с. 142.

³ Там же, с. 58.

этой книги, булгаковские размышления о природе современного ему театра, показавшие, что о театре могут мыслить не только историки, критики, теоретики, но и философы-богословы, — все это входило в «опыт» автора как фермент, закваска его интуиции. И если чаемый С. Булгаковым мистериальный синтез — «богодействие» — так и не наступил, отброшенный на века, если не навсегда, «русской трагедией» 1917 г., то сопоставление и разграничение «между сценическим искусством и мистериальным действием» остается для автора убедительным и спустя 30 лет и частично положено в основу этой книги.

Не менее существенна для формирования проблематики этой книги и тогда же прочитанная автором статья о Павла Флоренского «Храмовое действие как синтез искусств», с его описанием храмового действия как музыкальной драмы⁴. А темпераментная, безоговорочная и не слишком доказательная критика театра как вида искусства, выраженная о Павлом Флоренским в опубликованной в 1967 г. «Обратной перспективе», заставляла трезво относиться и к «властителям дум», не сотворяя и из них кумира, переводя их из ранга «властителей» в ранг «собеседников».

И с Бердяевым, и с Булгаковым, и с Флоренским автора познакомил в 1968—69 гг. приснопоминаемый отец Всеволод Шпиллер, чье служение и проповеди — неотъемлемая часть «храмового действия», совершавшегося в те годы в Николо-Кузнецком храме в Москве.

В пассивах 1969 г. этого апостола «творческой верности» Церкви (читатель издания проповедей о Всеволода может убедиться в том, что наряду с именами святых отцов под сводом Николо-Кузнецкого храма звучали имена С. Франка, о. С. Булгакова, о. Павла Флоренского, о. Василия Зеньковского⁵, что тогда было опасно по одной причине и с одной стороны: «диссидент», — могли бы сказать власти, а нынче — по другой и с другой стороны: «еретик», — скажут иные «невеликие инквизиторы»), этого тончайшего знатока литературы и искусства, особенно музыки (но и театра — в 1977 г., уже будучи старым и больным человеком, он просил меня устроить его на спектакль театра на Таган-

⁴ «Вспомним о пластике и ритме движений священнослужащих, например, при каждении, об игре и переливах складок драгоценных тканей, о благовониях, об особых огненных провеиваниях атмосферы, ионизированной тысячами горящих огней, вспомним далее, что синтез храмового действия не ограничивается только сферой изобразительных искусств, но вовлекает в свой круг искусство вокальное и поэзию, — поэзию всех видов, сама являясь в плоскости эстетики — музыкальной драмой». — Свящ. Павел Флоренский. Собр. соч., т. 1. Париж, 1985, с. 52.

⁵ Придя к нему в дом в первый раз в 1968 г., я увидел у о. Всеволода на столе (и получил на прочтение) составленную С. Франком антологию русской религиозной мысли. Эту же книгу я увидел и во время последнего прижизненного посещения его квартиры в 1983 г. — символ творческой верности.

ке «Мастер и Маргарита»), говорилось о том, что «творчество настоящего поэта и писателя, овладевших тайной этой высшей выразительной функции слова и его звуковой плоти, как и творчество настоящих поэта, музыканта и художника, познавших ту же тайну звука, цвета или линии и удивительную силу их особых сочетаний, оно всегда есть тайнодействие, по-своему осмысливающее сверхрациональный духовный опыт»⁶.

В той же пассиве (9 марта 1969 г.) о. Всеволод цитировал молитву, написанную «современным русским писателем», как отозвался тогда о Солженицыне о. Всеволод. Вот и «В круге первом» автор прочитал впервые в том же 1969 г. по машинописи, полученной от о. Всеволода. Проходя «первый круг идей» Солженицына — «Пасхальный крестный ход», «Крохотки», «Молитва», — усваивая его «опережающие суждения о нравственной жизни человека и общества»⁷ (достаточно вспомнить его выражение «плавный невзрывчатый переход», планировавшийся Солженицыным еще летом 1973 г.), автор был втянут в тот круг задач, что Солженицын сформулировал в романе «В круге первом» устами Нержина: «В численном интегрировании дифференциальных уравнений безмятежно прошла бы жизнь Нержина, если бы родился он не в России и не именно в те годы, когда только что убили и вынесли в Мировое Ничто чье-то большое дорогое тело. Но еще было теплое то место, где оно лежало. И, никем никогда не возложенное, Нержин принял на себя бремя: по этим еще не улетевшим частицам тепла воскресить мертвеца и показать его всем, каким он был, и разуверить, каким он не был».

Наконец, именно из рук о. Всеволода Шпиллера автор впервые получил номера «Вестника Русского Христианского движения», возглавляемого Н. Струве, на страницах которого в конце 60-х — 70-х гг. возникли темы «русских идей», русской историософии, «Судьбы России». «Спор о России», поднимавшийся на страницах журнала известными или анонимными авторами, свидетельствовал о том, что Движение, Путь — русский, христианский — не прервались в 17 г., что начинается новый этап Пути, и нельзя было не согласиться с «опережающими суждениями» редактора журнала Н. Струве: «Единственная современная культура, созданная на почве Православия, — русская; мимо этого факта пройти нельзя»; «вера в Россию не должна быть легковесной и безответственной. Она должна быть зрячей, покаянной, ответственной и жертвенной»; «Будущее России в мучительных поисках истинного пути, в смиренной верности ее духовному началу, в подвиге трезвенной, не обольщающей себя любви» и с его формулировками принципов Дви-

⁶ Протоиерей Всеволод Шпиллер. Слово крестное. М., 1992, с. 13.

⁷ Письмо IV съезду ССП, 16 мая 1967 г. — Александр Солженицын. Публицистика, т. 2. 1996, с. 27.

жения: «Прежде всего, это вера в абсолютную истинность Христова откровения, явленного в Церкви. Не религия вообще, не религиозное чувство, несмотря на их ценность, а приятие полностью учения Православной Церкви, во всей его широте. В Церкви Движение видит не только „сокровищницу“, не только „святыню“, но и творческую силу, призванную преобразить мир»⁸.

Причем преобразяться должно не только «чужое», но и «свое». Идеи «Вех» и «Из глубины» — круг чтения «русских мальчиков» конца 60-х — начала 70-х гг. — не утратили своего значения ни четверть века назад, ни в те годы, когда они пришли в Россию легально. Противоположение «интеллигенции» и «интеллигентщины», мысль о том, что «в данный час истории интеллигенция нуждается не в самовосхвалении, а в самокритике» (Бердяев, «Вехи»), антитезы «красносотенства» и «черносотенства», «героизма и подвижничества» (С. Булгаков, «Вехи»); пророческая интуиция Гершензона: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»⁹; отношение к революции как к беде, причем беда заключается не в том, «как делали революцию, а в том, что ее вообще *делали*»¹⁰, понимание культуры как совокупности «*осуществляемых в общественно-исторической жизни объективных ценностей*»¹¹, утверждение национальных особенностей русской мысли в ее религиозности (Бердяев, «Вехи»), — эти семена «русских идей» попали на готовую их принять и развить почву. Еще более важным для тогдашней «молодой России» было знакомство со сборником «Из глубины». И потому, что сборник был на десять лет «моложе», а значит, и ближе, нежели «Вехи». И потому, что его участники «повзрослели» на 10 лет, одну Мировую войну, февральскую и октябрьскую революции, и потому, что они предостерегали от опасностей новых революций, которых мы и ждали, и боялись. «Революция — это процесс, создающий неизбежность *своих рецидивов*»; «русские общественные деятели, пытаясь перестраивать Россию, никогда не позаботились понять Россию как страну великих замыслов и потенциалов, как в добре, так и зле... Они всегда исходили из ясно или неясно сознаваемого предположения, что как только старые хозяева уйдут, именно они и станут на их место в качестве новых хозяев, которые, конечно, и водворят нужный порядок»¹². «Революционные Чичиковы скупают и перепродают несуществующие богатства, они оперируют с фикциями, а не реальностями, они превращают в фикции всю хозяй-

⁸ Н. Струве. Православие и культура. М., 1992, с. 19, 26, 28, 33.

⁹ М. Гершензон. Творческое самосознание. Вехи. Из глубины. М., 1991, с. 90.

¹⁰ П. Струве. Интеллигенция и революция. Там же, с. 163.

¹¹ С. Франк. Этика нигилизма. Там же, с. 177.

¹² С. А. Аскольдов. Религиозный смысл русской революции. Там же, с. 238.

ственно-экономическую жизнь России ... Вся наша революционная аграрная реформа, эсеровская и большевистская, есть чичиковское предприятие. Она оперирует с мертвыми душами, она возводит богатство народное на призрачном, нереальном базисе»¹³, — разумеется, в 1971 г. эти идеи не имели *практического* значения, но спустя 20 лет их усвоение оказалось *противоядием*, позволившим осознать революцию 1991, ее *рецидивы* и Чичиковых, стоящих во главе ее. Вместе с молодыми героями «Августа Четырнадцатого», опубликованного в 1971 г. (а, быть может, и вместе с его автором в ту пору?), «молодая Россия» (часть ее, разумеется), задумывалась над тем, какой порядок в ней должен быть, приучаясь искать не идеального, а «наименее худшего». Те, кто в те годы вставал перед вопросом: а жить ли в ней вообще или уехать, находил ответ у пожилого героя «Августа»: «Страна, где ты живешь, попала в беду. Так что правильно: пропадай, черт с тобой! Или: я тоже хочу тебе помочь, я — твой? Живя в этой стране, надо для себя решить однажды и уже придерживаться: ты действительно ей принадлежишь душой? Или нет? Если нет — можно ее разваливать, можно из нее уехать, не имеет разницы... Но если да — надо включиться в терпеливый процесс истории: работать, убеждать и понемножку сдвигать...»¹⁴.

Идея «включения» в «процесс истории» не нашла поддержки у большинства «русских мальчиков»-интеллигентов (речь идет не о тех из них, кто приветствовал — искренне или неискренне — ее ход, как он сложился после октября 17-го). Меньшинство же, «терпеливо» постигавшее ее перспективность, находило поддержку в наиболее содержательном разделе книги о. Сергия Булгакова «Православие» — «Православие и апокалиптика», в его чеканных формулировках: «...неизвестность времени конца истории не отменяет необходимости и обязанности жить, — ответственно и сознательно. Историю нужно прожить и изжить, а не то что кое-как окончить, пройдя через нее, как чрез мрачный и пустой коридор в Царствие Небесное... В истории не только раскрывается раздирающая трагедия противоборства добра и зла, но и нечто *совершается*, без чего и ранее чего не может она закончиться, и, следовательно, не совершится и пришествие Христово, и оно так же требует для себя полноты времени, как и первое. Вот это-то *положительное* чувство истории, ее содержательности, и составляет то, чем питается апокалиптика, жажда, *действительного раскрытия* всех возможностей человеческого и мирового бытия ранее наступления его конца, или, точнее, трансценза в иное бытие»¹⁵.

«Православное сознание наших дней» — полагаю, что и *наших* тоже, — постигает это раскрытие всех возможностей, с точки зрения

¹³ Н. А. Бердяев. Духи русской революции. Там же, с. 259.

¹⁴ Александр Солженицын. Красное колесо, т. 2. М., 1993, с. 493.

¹⁵ О. Сергий Булгаков. Православие. Париж, 1985, с. 375—376.

о. Сергия Булгакова, «как оцерковление всей жизни чрез определяющее влияние Церкви, путем внутреннего его проявления», включая и «задачи внутреннего перерождения государства». «Зов к творчеству, к вдохновлению, к преображению жизни»¹⁶ и вера в то, что «еще есть будущее в истории Церкви, ибо явно существуют и задачи, которые требуют своего разрешения»¹⁷, — определяли общую перспективу жизни (вплоть до нынешних дней) и, одновременно, помогли постигать ход событий 1973—1974 гг. (процесс Якира и Красина и конец первого этапа демократического движения, «встречный бой»¹⁸ Солженицына и Сахарова — с КПСС и, отчасти, друг с другом, публикация «Архипелага Гулаг», арест и высылка Солженицына, отъезд Максимова и Некрасова и пр.), их смысл и перспективу. Перед «русскими мальчиками» встала во всей трагической глубине проблема *действия* — едва ли не основная тема русской истории, «русских идей» и «русских путей» нового времени и, в особенности, XX в. Срывы неверного делания и неверность неделания, мечтательность и утопизм, юношеская бескомпромиссность, незаметно для себя перерастающая в «коллорабационизм» семидесятых годов, — все это требовало осмысления. Предметом мысли становилось соотношение между культурой и культом; ее фундаментом — идеи Флоренского и Булгакова о том, «что культура исходит из культа»¹⁹, импульсом — предложенная о. Георгием Флоровским антитеза «богословия повторения» и «богословия творения события». Собственная разработка была подсказана опытом изучения искусства *театра*, в котором категория *действия* является основополагающей, и погружением в жизнь Церкви, то есть в ее *Действо*. Так сложилась структура книги, писавшейся автором более четверти века (и практически каждая публикация автора, вольно или невольно — оказывалась фрагментом складывающейся книги). Начавшаяся перестройка — «предварительное действие» — позволила автору опубликовать кое-какие соображения относительно истории и специфики «русских идей». Отнюдь не пытаясь «переспорить» Достоевского, Вл. Соловьева, Бердяева и многих других, введших в оборот и тиражировавших словосочетание «русская идея», автор все же считает, что множественное число — хорошо это или плохо — больше соответствует реальному бытованию и развитию этого понятия. Драматизм, если не трагедия, истории России в конце XX в. заключается в том, что формирование нового, важнейшего этапа соотношения «русских путей» и «русских идей» (важнейшего не только для нее, но и для всей христианской цивилизации, для Вселенной в целом) пришелся на тот период, когда в политической и

¹⁶ О. Сергей Булгаков. Православие, с. 379.

¹⁷ Там же, с. 378.

¹⁸ См. удачное название главы из книги А. Солженицына «Бодался теленок с дубом».

¹⁹ Там же, с. 377.